

"Все в порядке?" спросил Гарри. Она полностью остановилась, Гермиона задержалась на месте и ничего не ответила, так как странность нарастала.

Гермионе пришлось похоронить свои опасения в поспешных кивках. "Да, все в порядке. Извини, я просто отвлеклась на уроке и, наверное, перешла на автопилот". В спешке Гермионе пришлось подчиниться и переключиться на что-то другое, и она поняла, что поцелуй его мышц вызвал у Гарри больше реакции, чем безнадежно неудачная попытка отсосать ему сиську, поэтому она решила удвоить темп. Ее язык прошелся по его рельефным мышцам, проводя по ним, пока она обхватывала пальцами его член. "Сюрприз в том, что я настолько захвачена большим, мускулистым телом моего красавчика, что собираюсь поклоняться его телу всем своим языком".

Член Гарри тут же отозвался, пульсируя даже под ласками ее пальцев, когда она держала его, и Гермиона поняла это, делая свою часть работы, чтобы не отставать и доставить Гарри удовольствие, которое он мог оценить. Ей казалось, что она должна что-то сделать, должна доставить ему какое-то удовлетворение, пока она толкалась в это углубляющееся, незнакомое состояние желания. Так много было поставлено на кон, так много тянуло ее все глубже в это недоумение, но Гермиона должна была сделать все возможное, чтобы не отстать от него, должна была встретить это с готовностью и желанием.

Поцелуи и облизывания его мышц были хорошим компромиссом. Гермиона почти не возражала против идеи поклоняться телу Гарри, вылизывая его грудь и оставляя за собой полоски слюны. Ее рука осторожно и жадно двигалась по его члену, позволяя языку делать акцент и ласкать его. Все это время в ее взгляде читалась мольба, потребность, которую она смогла перевести в чистое возбуждение, ее накрашенные губы совершали движения поцелуя, когда она не лизала. "Твое тело потрясающее", - ныла она.

Гарри не мог сдерживать сырого, вокального восторга, который охватил его, его тело извивалось от дикого желания и безнадежной жадности. Он был счастлив принимать ее, чувствовать, как ее язык ласкает его грудь, руки, даже забирается в подмышку и облизывает его со всех сторон. Она почти не контролировала себя, поклоняясь его телу, воздавая ему хвалу и преданность, которые сделали его решение привести себя в экстремальную форму неожиданно гораздо более удивительным и захватывающим, чем оно было до сих пор. Гарри хотел большего, хотел погрузиться еще глубже, погрузиться в согревающую дымку, из которой, как ему казалось, он уже не сможет вынырнуть. "Это удивительный сюрприз".

От осознания того, что ей удалось ловко переключиться на то, что Гарри мог оценить без секундного колебания, Гермионе стало немного легче. Не настолько, но она знала, что все еще может применить свои умные способности, чтобы сохранить лицо, остро определив лучший способ доставить удовольствие Гарри и подтолкнуть его. Гермиона знала, что может доставить ему полное удовлетворение, и старалась довести его до предела. Ей нужно было больше, и она застонала: "Я удивлена, что такому удивительному образцу мужской силы нравится, когда его мускулам поклоняются", - стонала Гермиона. "Но ты заслуживаешь этого. Ты используешь свою силу, чтобы помогать людям и отстаивать то, что правильно; она заслуживает того, чтобы ее любили". Она поглаживала его быстрее, от ее похвалы его член пульсировал, капая прессой на ее руки, и он все еще умолял о большем. Отчаянное спасение Гермионы превратилось в целенаправленный экстаз и облегчение для Гарри, чей припадный, стонущий восторг скрывал ее промахи.

Когда Гарри кончил, это произошло с жестким стоном, ее губы скользнули по одному из его сосков, а его член извергся на ее скромную грудь. "Ты слишком хороша для меня", - стонал он, откидывая голову назад на подушку, когда он открылся для удовлетворения, когда он почувствовал, как желанное наслаждение пронеслось по нему и влилось в него с жаром и блаженством, с которыми он не надеялся бороться. Это было поразительно, и его сила выражала безнадежную радость во всем его существе, погружая его еще глубже в то, что казалось ненасытно мощным, сладким и сильным и сводило его с ума от желания. "Черт", - простонал он, когда кульминация прошла через него, пока он не остался стонущим, трясущимся беспорядком чистого наслаждения. "Это было потрясающе. И сейчас ты выглядишь великолепно. Мне так повезло, что ты у меня есть".

Улыбка Гермионы не могла не расшириться, когда он похвалил ее, когда его пальцы ласкали ее подбородок, и она таяла в прикосновениях и тепле его ласк. Гарри умел заставить ее чувствовать себя лучше, независимо от того, насколько она была расстроена. На краткий миг Гермионе стало не стыдно за свою маленькую грудь, она почувствовала, что ее любят, обожают, и она направилась к его губам, Гарри жаждал поцеловать ее и притянуть к себе.

Той ночью Гермиона вернулась в общежитие для девочек рано, халаты распахнуты, нижнее белье на ней, помада размазана по лицу, Лаванда и Парвати еще не спали, когда Гермиона совершила самый решительный и дикий поступок в своей жизни. "Я хочу, чтобы вы помогли мне стать сексуальной", - призналась она, стоя на месте и чувствуя себя не в своей тарелке.

Брови обеих девушек резко поднялись при мысли о ее внезапном появлении. Лаванда посмотрела на Парвати, потом на Гермиону, потом на свои ноги. "Это моя вина, не так ли?" - спросила она, ее щеки пылали.

"Странная проницательность на этот раз", - простонала Гермиона, входя в комнату и снова застегивая мантию. "Я не сержусь. Я достаточно раз слышала, как ты говоришь о том, что нужно уважать отношения и не уводить мальчиков, но это тяжело, когда я замечаю, как Гарри смотрит на твою грудь, когда я вижу тебя накрашенной и слышу, как мальчики говорят о тебе".

Лаванда насмешливо хмыкнула. "Что говорят мальчики? Что я сексуальная, но слишком навязчивая, и они бы трахнули меня, если бы думали, что я не буду ждать от них большего?" Лаванда была девушкой, которая умела хорошо выглядеть и умела кружить головы, но она также была откровенным, нахальным романтиком, который хотел от парней большего, чем случайный секс, которого требовало от них ее пышное тело. Все парни, на которых Лаванда обращала внимание, были просто возбужденными, молодыми и не готовыми к зрелости, как она хотела. "Ты действительно хочешь этого?"

Вот почему Гермионе было трудно злиться на Лаванду за все это, и она с нервным вздохом заняла свое место на кровати Лаванды. "Я знаю, что это не так просто, но я слышала от людей, говорящих за моей спиной, вещи и похуже этого. Все, чего я действительно хочу, это быть способной вскружить Гарри голову так же, как это могут сделать другие девушки. Он любит меня за мой ум, и я рада этому, но каждый раз, когда какая-нибудь девушка проходит мимо и заговаривает с ним, или он останавливает их во время тренировки, и они падают в обморок от него, это заставляет меня задуматься, почему я не могу добиться такой реакции и от него. И

если это заставит какого-нибудь засранца на седьмом курсе комментировать мои ноги, а не то, что мои родители - маглы, я приму это".

<http://erolate.com/book/2890/69270>